
Вальтер Шнайдер
Кто сильнее?

Вальтер Шнайдер

Кто сильнее

*Рассказ о молодых миссионерах
с Лабрадора*

Издательство «Благовестник»
2012

Originaltitel: W. Schneider »Die Kraftprobe« Ubersetzung und Abdruck erfolgt mit Genehmigung des Verlages der Vereinigten Evangelischen Mission (Rheinische Mission).
В. Шнайдер. Кто сильнее?

Переиздание 2012 год издательство “Благовестник“

Человек без сердца

Легкая упряжка со скоростью поезда мчалась по льду. Мелкий снег, поднятый лапами двадцати собак, словно туман, окутывал две неподвижные фигуры, которые, тесно прижавшись друг ко другу, сидели на нартах, укутанные тюленьими шкурами.

Лица их с характерными для эскимосов сильно выступающими скулами были коричневыми от солнца, ветра и мороза дикого севера. Грубые деревянные очки, в которых прорезаны крошечные отверстия, защищали глаза. Напрасно все усиливающийся холодный северный ветер пытался проникнуть сквозь теплые шкуры.

Уже длительное время они находились в пути. Тяжело дыша, собаки без остановки мчались вперед.

Лишь иногда, когда вожак сбивался с пути или темп на мгновение замедлялся, Колли быстро поднимался. Он взмахивал рукой, и длинный кожаный кнут, подобно десятиметровой змее, взвивался над спинами животных, с поразительной точностью достигая цели.

Вдруг, несмотря на сильный ветер, чуткий и опытный слух эскимосов уловил едва слышный звон льда. Колли повернулся к Куппе, шаману эскимосов, и вопросительно посмотрел на него. Тот понимающе поднял руку. От него тоже не ускользнул этот зловещий звук.

Раздался свист. Тяжело дьша, животные остановились, жадно хватая снег. Оба эскимоса откинули капюшоны и очки назад. Все в них выражало напряженное внимание. Они прислушивались, вытянув головы и подозрительно всматриваясь в бескрайние просторы покрытого льдом моря, откуда приближалась неминуемая беда.

И вновь послышалось тихое пение льда. Этот звук напоминал едва слышный плач ребенка. На огрубелых лицах эскимосов отразился страх. О, они слишком хорошо знали, что означает этот звон льда, похожий на далекий

плач ребенка. Он длится недолго. Вслед за ним неожиданно, как гром среди ясного неба, вздымаются подледные волны, которые могучей силой ломают даже самый толстый лед. Если лед начинает петь, нужно как можно скорее достигнуть спасительного берега. Иначе грозит гибель; эти волны представляют из себя быстрых предвестников смерти.

И снова этот едва слышный „плач“, сопровождаемый теперь странным потрескиванием. Решается вопрос жизни и смерти! Приближаются подледные волны! Куппа снова надевает на голову капюшон и поправляет очки.

Волны! Колли так резко взмахнул хлыстом, что собаки испуганно взвыли и ринулись вперед с такой скоростью, будто их гнала дикая охота.

Волны! Лед поет, а до Наина еще десять миль. Собаки напрягаются изо всех сил, тоже почувствовав опасность, которая гонится за ними по пятам. Да и Колли не дает им больше ни минуты покоя. Охрипшим голосом выкрикивает он свои команды. Угрожает, молит, проклинает... Меткие удары кнута заставляют животных отдавать все свои силы.

Минуя маленькие островки, которые не в состоянии защитить от надвигающейся катастрофы, они мчатся вперед, к земле, к материку, который узкой серой линией приподнимается на горизонте.

— Ай! — вскрикнул вдруг Колли, показывая рукой вперед.

Огибая южную оконечность большой группы скал, навстречу им с большой скоростью мчатся нарты. Погонщик, маленький кривоногий эскимос, как и Колли, все время взмахивал кнутом:

„Они мчатся навстречу верной смерти!“ — только успел подумать Куппа, как нарты уже поравнялись с ними.

— Аксунай!*

---

* Эскимосское приветствие. Дословный перевод „Будь сильным!»

На мгновение нарты притормаживают.

„Движутся волны!“ — хочет предупредить Колли. Но слова застревают у него в горле, когда среди пяти седоков он узнает двух миссионеров из Наина.

Смущенно поворачивается он к Куппе. Тот снова поднял на лоб очки и с выражением злобы на лице уставился на белых. Колли знает, что Куппа лютой ненавистью ненавидит миссионеров.

И когда он увидел угрозу в глазах шамана, слова предостережения так и остались невысказанными. Они обмениваются вежливыми, но в данной ситуации бессмысленными словами.

— Аксунай.

И нарты мчатся дальше. Главное теперь — не терять больше ни минуты.

Когда Куппа несколько секунд спустя еше раз с ненавистью обернулся назад, он увидел нарты миссионеров, мчащихся на север, в открытое море. Зловещая усмешка исказила его широкое лицо.

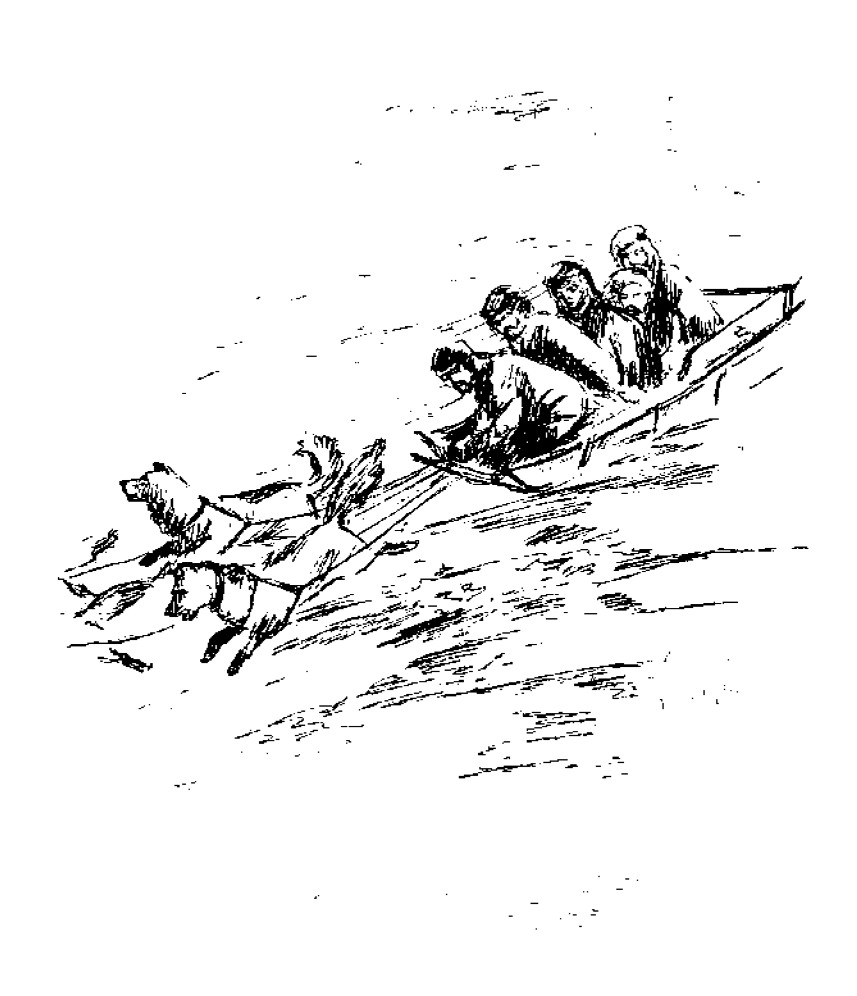
— Пусть едут в объятия смерти. Теперь их Иисус может показать, способен ли Он померяться силами с этими волнами, — пробурчал он, довольно ухмыляясь. Более удобного случая избавиться от своих врагов не могло и быть.

Затем он снова напряженно прислушивается к жуткому пению льда. Уж не пришла ли гладкая поверхность льда в движение? Страх сжимает его сердце.

— Скорее, Колли, скорее!

И Колли крикнул на собак, насколько ему это еще позволяло горло. Почти беспрерывно длинная кожаная плеть свистела над спинами животных. При этом он должен был внимательно следить за тем, чтобы ни одна из собак не запуталась в лямках. Малейшая остановка могла означать смерть.

Медленно вырастает берег из ледяной пустыни: темная, вся изборожденная ущельями горная гряда, покрытая саваном из ноздреватого снега. Причудливые скалы

возвышались, подобно грозным сторожам, охраняя вход на сушу от любой попытки проникновения.

— Направо! — крикнул Куппа.

И вот они уже повернули в узкую, похожую на длинный язык, бухту. Колли одним движением поднялся с колен. На мгновение он забыл угрожающее пение льда. Вытянув короткую шею, он лихорадочно вслушивается в оргию разыгравшейся бури.

— Странно!

Он рывком сбросил капюшон, и ветер стал трепать длинные пряди его черных волос. Он слушал... слушал... слушал...

— Куппа!

Он указал кнутом вперед, как будто там можно что-то увидеть. Но впереди ничего не видно было, кроме снежного облака, в порывах ветра покрывающего нарты водопадом ледяных Кристалов.

— Слушай!

Снова к вою ветра примешивается странный звук. Угасает... появляется... затихает...

Куппа кивнул головой:

— Колокола в Наине!

— Колокола в Наине! — с благоговением, словно заклинание, повторил Колли эти слова.

Колокола в Наине. Они означают надежду и радость после, казалось бы, неминуемой гибели.

— Мы не ошиблись?

— Нет! — крикнул Куппа и для убедительности ударил спутника кулаком по бедру.

— Спасены!

Издав этот радостный возглас, Колли плюхнулся на свое сидение. Казалось, и собаки поняли это слово. Они перешли на более спокойный темп.

— Эй, Пизо! А ну вперед, волчьи дети! Покажите, на что вы способны. Не хватало только, чтобы у самого берега нас из-за вашей лени настигли волны! Слушайте,

лед поет! Точно как плач ребенка!.. Нет, нет, это не наши дети. Они дома в безопасности. Не обманывайте себя. Это смерть, которая плачет о своей жертве.

Тууии... Тииоо... Слушайте... Только не бойтесь, не бойтесь. Это не злые духи. В конце концов, ведь Куппа здесь! Это только бессильная ярость урагана, который уже ничего не может сделать нам! Слушайте... бамм и снова бумм!..

Навостри уши, Пизо, старый вожак! Это колокола, которые в Наине. Знаешь ли ты, что это значит? Спасение, спасение, спасение! Вот что это значит! — приговаривал Колли, ставший вдруг необычно разговорчивым.

Собаки вновь добросовестно включились в стремительную гонку. Вскоре они выбрались на берег около Наина, этой первой в Лабрадоре основанной миссионерами станции.

В одно мгновение Куппа и Колли соскочили с нарт, потягивая и разминая уставшие члены.

Нарты остановились.

Колли бросил животным заслуженное ими тюленье сало. Они обнюхивают и лижут его, недоверчиво оглядываются вокруг, захватывают лакомые куски обеими лапами и, наконец, ложат на них голову, но не едят. Смертельно усталые, они засыпают, тесно прижавшись друг ко другу.

Колли пригладил волосы, неторопливо снял тяжелые деревянные очки, протер глаза и прищурился в снежную даль.

—Так, значит, это Наин.

В темноте смутно вырисовываются часовня, жилой дом и вспомогательные помещения миссионерской станции. Вокруг нее, как цыплята возле курицы, сгрудились несколько небольших, но чистых деревянных бараков.

„Христиане», — подумал Колли и сплюнул.

Наконец он заметил снежные хижины эскимосов, которые в большинстве своем еще были язычниками и многие

из которых лишь зиму проводили в Наине. Колли навряд ли так быстро заметил бы эти хорошо замаскированные хижины, похожие на скопище ульев на большом поле, если бы не протоптанные тропинки, лай собак и играющие дети. Колли не обратил внимания на отвесные скалы и громадные горы, вздымавшиеся к небу на высоту до 2700 метров. Для глаз эскимосов это слишком привычная картина.

Со стороны моря слышались глухие раскаты, напоминавшие артиллерийскую канонаду. Волны начали ломать лед.

Куппа вытер рукавом пот со лба.

— Ну вот, еще раз все обошлось хорошо.

Ветер, что ли, заглушил его слова? Казалось,

Колли ничего не слышал. Он никак не реагирует. С напускным равнодушием устремил он взгляд в море, которое пришло сейчас в несущее гибель движение. Но от острого глаза едва ли ускользнет то, что происходит в его душе. Колли часто сам не понимал себя. У него мягкое сердце, и, как ни старался, он никак не мог забыть тех, кого они не предупредили о грозящей им гибели.

О, эта проклятая способность воображения!

Совершенно ясно он видел перед собой тех пятерых, которые ведут смертельную борьбу со все сокрушающими волнами.

Он застонал... ему хотелось кричать, но горло будто чем-то перехвачено.

Колли с силой провел рукой по глазам, как бы желая стряхнуть с себя то, что, словно тяжелая гора, придавило ему душу за немилосердный поступок.

Наконец он открыл рот, но его, храброго охотника, который не раз смотрел смерти в лицо, вдруг остановила какая-то странная робость перед Куппой. Разве шаман не имеет власти над жизнью и смертью? Колли опустил глаза и наконец с трудом выдавил из себя:

— А как они?

Куппа кивнул головой.

— Как они? Пусть их Иисус спасет их. Иначе они пропали. Но этому Иисусу нужно будет очень потрудиться. Ха-ха-ха!

В его словах звучал злорадный триумф. Затем он взял свой длинный охотничий нож и начал вырезать из снега блок за блоком. Колли тщательно укладывал их в ряд.

Его охватило неведомое ему доселе отвращение к Куппе. И вдруг ему стало ясно, на чем держится власть шамана. Куппа — это человек без сердца!

Через час снежная хижина была готова. Ледяное окно едва пропускало свет. Свободно свисающая с потолка примитивная лампа, заправленная тюленьим жиром, тускло освещает хижину, наполняя ее вредными парами.

Куппа отложил нож и начал торопливо заносить в хижину шкуры и меховую одежду, в то время как Колли освобождал собак от упряжки. Они едва шевелились. Лишь иногда поднималась чья-то сонная голова и слышалось слабое рычание.

Рокот со стороны моря становится все сильнее. Колли садится на нарты, рядом с Куппой. Они тщательно роются в карманах, и наконец в их руках появляются странные предметы. Нужна немалая фантазия, чтобы понять, для чего предназначены эти кавиагмутс.*

Осторожно, боясь уронить хотя бы одну крошку, они набивают трубки табаком. Почти торжественно они раскуривают трубки, а взор их снова направляется к морю, которое покрывалось густой мглистой пеленой, как это обычно бывает в туманные дни.

Играющие ребятишки, проходя мимо, на мгновение останавливаются, осматривая незнакомцев. Взрослые задают обычные вопросы: „откуда? куда?“

Они вынуждены были довольствоваться легким, указывающим на магазин жестом, поскольку во время курения

---

* Курительные трубки эскимосов

эскимосы не произносят ни слова.

Наконец Куппа выбил трубку. Затем он через низкий вход, который на ночь закладывается снежным блоком, заполз внутрь хижины. Колли слышал, как Куппа возится со шкурами.

— Пошли! — позвал он.

Утопая в рыхлом снегу, оба направляются к магазину.* Куппа держит в руке редкой красоты шкуру тюленя. В лавке, несмотря на большое окно, царил полумрак. Глаза должны были привыкнуть к сумеркам, прежде чем они могли различить вывешенные и выставленные для обмена или продажи товары.

Воздух в лавке тяжелый. Пахнет жиром и потом. Ничего удивительного. Комната была переполнена людьми, и все снова подходили новые посетители. За большим столом стояла молодая белолицая женщина. Куппа поражался, что, несмотря на многочисленные вопросы и просьбы, она сохраняла удивительное дружелюбие и терпение. Для каждого у нее находится нужное слово. Из разговоров людей Куппе становится ясно, что она является женой миссионера.

В магазин Куппу привела острая необходимость срочно приобрести новое ружье. Старое покоилось на дне моря. Оно потерялось, когда во время последней рыбной ловли внезапно вынырнувший морж разбил его лодку. Лишь ценой огромных усилий ему самому удалось спастись.

Куппа протиснулся вперед, прокладывая себе дорогу

---

* Миссионеры, очень скоро понявшие, как бессовестные торговцы обманывали эскимосов, организовали лавки, в которых можно было покупать или обменивать то, что нужно. Для миссионеров главным был не заработок. То, что побудило их на создание таких небольших магазинчиков, носило миссионерский характер: они пытались таким способом завоевать доверие эскимосов, которые обычно чрезвычайно замкнуты в общении и трудно идут на сближение с чужими людьми.

локтями. Какое ему, шаману, дело до возмущенных взглядов других. Неужто он должен ждать, пока все люди уладят свои дела?

Молодая женщина с улыбкой посмотрела на него. Но когда он пытался положить шкуру на стол, она любезно, но решительно отстранила его. Затем она продолжала обслуживать всех в порядке очереди, не обращая на него внимания.

В лавке раздался одобрительный гул. Кровь ударила Куппе в голову. Нет для него ничего хуже унижения, да еще перед таким количеством людей. Разве то, что он был вынужден сейчас проглотить, пусть даже в слащавом одеянии дружелюбия, не было унижением?

Лучше всего ему сейчас просто уйти и тем самым показать им всем, что он и в другом месте может сбыть эту шкуру... если бы не ружье. Это остановило его.

Он стиснул зубы и с перекошенным от злобы лицом уставился на женщину за прилавком. Он еще покажет ей, что это значит — унижать его, Куппу! Темные мысли, одна задругой, проносились в его голове. „А что, если она является женой одного из тех двух миссионеров, которых он несколько часов назад послал на верную смерть? “

— вдруг подумал он. Это был хороший момент для мести.

— Пожалуйста, что вы желаете?

Куппа вынужден был прервать свои мысли. Белая женщина вопросительно смотрела на него. Он нервно бросил шкуру на стол и медленно стал разворачивать ее. Она покрыла почти всю площадь стола.

— Ах!

Руки женщины нежно гладят отливающую серебром шкуру тюленя.

— На редкость прекрасная шкура. Такой большой и такой красивой я еще не видела, — прошептала она.

— Старый самец. С ним было много работы, но он дал мне триста фунтов жиру и вот эту шкуру!

— И ты хочешь обменять ее?

Куппа кивнул и показал рукой на висевшее на стене ружье.

— Я согласна. Только я не знаю, нужна ли еще шкура моему мужу? Он в этом году выменял довольно много шкур. Охота была хорошей. Да и стоимость ружья он должен определить сам. Ты можешь подождать его? Он хотел вернуться через три дня. Он только сегодня утром отправился через море в Окак. Сколько времени ты пробудешь в Наине?

— Пока лед снова замерзнет.

— А что случилось со льдом? — В голосе женщины почувствовалась тревога.

Куппа покачал головой, как бы желая отделаться от этого вопроса.

— Навряд ли я дождусь возвращения твоего мужа. Возможно, он не вернется до послезавтра; возможно, и через десять дней не вернется, а возможно… возможно… и никогда больше не вернется!

— Что случилось со льдом? — повторила женщина свой вопрос.

Казалось, все для нее зависело от этого вопроса. Ее голубые глаза заглядывали Куппе в лицо, как будто там она могла прочитать ответ. Прошло несколько секунд. Наконец прозвучал ответ:

— Лед взломан волнами.

— Волнами?

В маленькой лавке сразу же наступила жуткая тишина. Куппа протискался к окну и рывком открыл его:

— Вот!

Все прислушались. Со стороны моря доносилось глухое урчание. Люди вздрогнули от ужаса. Кто-то шумно захлопнул окно.

Молодая женщина все еще стояла, как бы прислушиваясь к рокоту моря. Она будто забыла обо всем на свете.

Взор ее широко открытых глаз пронизывал все и устремлялся вперед, туда, где легкий туман клубился над морем, и дальше, дальше, ища и зовя...

— Волны! — вздыхает она, и это звучит, как во сне.

Неужели эти волны сломали ее счастье, подобно тому, как они там, на море, взломали лед? Наконец она возвратилась к действительности.

— Они достигли Окак прежде, чем нагрянули волны!

Голос ее окреп, но в словах чувствовалась неуверенность.

— Ничего подобного!

— Кто это сказал?

— Я.

— Кто ты?

— Куппа.

— Откуда ты это знаешь, Куппа?

— Я видел их.

— Ты лжешь, Куппа. Скажи, что ты лжешь.

— Нет, я не лгу! В десяти милях отсюда я встретил их. Два миссионера, три эскимоса. Они не слышали, что лед поет. До Окака оставалось еще хороших пятнадцать миль.

— И ты не предупредил их?

— С какой стати?

— Куппа, ты действительно не предупредил их?

В комнате стало тихо-тихо. Колли чувствовал,

как в душе его растет отвращение к Куппе. Его трясло. Сознание вины давило на него. Ему хотелось провалиться сквозь землю, и он медленно протискивался к выходу. Он сейчас с удовольствием бы плюнул в лицо этому человеку без сердца.

— Нет.

— Да знаешь ли ты, что это значит, Куппа?

— Что?

— Это убийство, Куппа, убийство! — всхлипывала женщина.

— Ха-ха-ха!

Как ужасно звучит смех в этой ситуации. Эскимосы тайно сжимали кулаки.

— Берегись, Куппа!

— Но почему, почему ты сделал это? — Женщина словно выдохнула из себя этот вопрос.

— Потому что я их ненавижу!

Темные глаза Куппы блестели, дьявольская усмешка исказила его широкое, грязное лицо, острые скулы которого стали выделяться еще сильнее.

Молодой женщине казалось, будто почва ускользает из-под ее ног. Выплеснутая на нее волна ненависти чуть ли не остановила ее дыхание. Она чувствовала, как Куппа с напряженным любопытством уставился на нее. Наполненный сатанинской ненавистью, он наслаждался ее страданиями. Нет, ей нельзя показать слабость, тем более сейчас! Ее взгляд остановился на тексте, висящем на стене. Она повесила его тогда, когда они впервые вступили на почву этой суровой страны. Буквы едва видны. Но она знала, что там написано:

„Дана Мне всякая власть на небе и на земле“. Казалось, невидимый поток силы исходит от этих слов, согревая и ободряя ее.

—Однако Иисус может спасти их, Куппа, потому что Он имеет власть на небе и на земле!

Спокойствие возвратилось к ней. Лицо ее преобразилось умиротворенной улыбкой. Куппа почувствовал, что его позиции создалась угроза, однако высокомерно произнес:

—Все это только одни слова! Никто не может спасти их от этих волн.

Ища подтверждение своим словам, он повернулся к стоящим здесь мужчинам, которые молча кивнули головой.

—И однако Иисус может, Он сильнее всех! Поверь мне, Куппа.

В комнате снова воцарилась тишина. Но вдруг будто

дьявол вселился в Куппу. Он ударил кулаком по столу так, что маленькая лавка вся затряслась. Злорадно засмеявшись, он произнес:

—Хорошо, белолицая, я ловлю тебя на слове! Идем на спор! Посмотрим, кто сильнее: Куппа, шаман, или Иисус, о котором ты говоришь, что Он имеет всю власть на небе и на земле. Если твой муж вернется, Куппа сожжет все свои амулеты и станет христианином, но если он не вернется...

Он не успел закончить; радостный возглас молодой женщины прервал его:

— Он вернется, Куппа, он вернется!

Она и сама не могла объяснить, откуда у нее в этот момент появилась такая твердая уверенность.

На некоторое время лицо Куппы стало серьезным. Он даже забыл закончить предложение. Уверенность женщины смутила его. Он схватил шкуру и дрожащими руками стал сворачивать ее. Для этого потребовалось некоторое время, и это как раз кстати. Ему нужно было вернуть самообладание. Наконец он успокоился и бросил взгляд на мужчин, вопросительно уставившихся на него.

— Посмотрим! — воскликнул он, и снова на лице его заиграла усмешка.

Схватив шкуру, он твердыми шагами прошел сквозь толпу мужчин, с готовностью расступившихся перед ним. И дверь со скрипом закрылась.

Постепенно и остальные, бормоча ничего не значащие слова, покинули лавку.

Колли вышел последним. На ходу он обернулся и еще раз посмотрел на одинокую женщину за прилавком.

Скрестив на груди руки, она ободряюще кивнула ему головой, улыбаясь на прощание.

— Аксунай — будь сильнее! — говорит Колли.

И никогда ему еще так не хотелось, чтобы это приветствие оправдалось. Дверь за ним тихо закрылась.

„Удивительная женщина», — подумал Колли, и неожи-

данно в нем зародилось страстное желание,

чтобы миссионеры вернулись, а человек без сердца потерпел поражение.

Стало уже темно, когда Колли добрался до своей хижины. Лампа с тюленьим жиром отбрасывала слабые отблески света. Воздух в хижине спертый. Куппа уже закутался в шкуры, бормоча себе под нос какую-то охотничью песню. Казалось, он в хорошем настроении и уверен в победе.

— Ну как? Здорово она получила? — спросил Куппа.

Колли молчал.

— Ты что, сомневаешься в моей победе?

Колли пожал плечами.

— Ха, хотел бы я видеть того, кто смог спастись из этих волн. Я уверен, совершенно уверен, и поэтому...

Последние слова он не договорил. Выбравшись из-под шкур, он схватил свой нож и выполз наружу.

Собаки расположились вокруг хижины. Переходя от одной к другой, Куппа, несмотря на темноту, наконец узнал Пизо. Тот недовольно зарычал.

— Тихо, Пизо, тихо. Кто же кусается? Разве ты не знаешь Куппу?

Он успокаивающе погладил шею собаки, но животное никак не хотело угомониться.

— Что случилось, Пизо? Не бойся! Ты же самый лучший пес. *Я* тебе принес что-то. На.

Собака с жадностью хочет схватить кусок тюленьего жира, который Куппа протянул ей. Но

тут шаман вдруг резко прижал пса к себе и взмахнул ножом. Острая сталь вонзается Пизо прямо в сердце. Фонтан крови обагрил протоптанный снег; и тишину северной ночи разрывает жуткий предсмертный крик лучшего вожака, отражаясь многоголосым эхом. Тело дернулось и вытянулось. Еще несколько конвульсий, и угасла жизнь верного пса, которого Куппа принес в жертву духам, чтобы быть уверенным, совершенно Уверенным.

Час испытаний

Комната, в которой в поздний час собралась маленькая домашняя церковь миссионерской станции Наина, отличалась спортанской простотой. Все то, что было необходимо для дома, смастерили прилежные и довольно ловкие руки этих людей. Большой стол на толстых неуклюжих ножках несколько скрашивался самотканой скатертью. Материалом для устройства сидений послужили доски из-под ящиков.

На самодельной полке у стены рядом с несколькими книгами взгромоздились кастрюли и миски из тонкой жести, которые были результатом кропотливой работы брата-жестянщика. Однако они так часто прогорали, что ему постоянно приходилось чинить их. Единственным украшением комнаты были маленькие швейцарские часы с кукушкой. День за днем они отсчитывали час за часом, и каждый стук маятника постоянно напоминал живущим здесь людям, что время не стоит на месте.

Над столом висела примитивная лампа из обыкновенной жестяной банки. В верхней крышке ее сделано было отверстие, сквозь которое толстая хлопчатобумажная нить с любопытством высовывала свою светящуюся голову, пытаясь разогнать темноту. Но, несмотря на все усилия, это ей плохо удавалось.

За столом с серьезным выражением лица сидели шесть членов миссии, братьев и сестер. Суп в жестяных тарелках уже давно превратился в застывшую кашу. И даже брат Штальверт, которому наряду с миссионерской деятельностью вменен был в обязанность уход за козами и курами и который обычно никогда не жаловался на отсутствие аппетита, вскоре отложил свою ложку в сторону.

Тревожная тишина царила в обычно таком радостном кругу миссионеров. Только время от времени сидящие украдкой бросали взгляд на те места, которые сегодня

не заняты и, возможно, останутся незанятыми навсегда. Скорбь бесшумно вошла в комнату, сомкнула уста и лишила аппетита.

Кто бы мог подумать?!

Оба брата ранним утром радостно прощались с друзьями, чтобы совершить уже давно намечавшуюся поездку в Окак.

— Если Богу угодно, самое позднее через три дня мы вернемся.

Это были их последние слова.

— А теперь?

Сестра Мария больше не в силах была сдерживать слезы, которые крупными каплями падали в тарелку. Но она не замечала этого. Куда девалось ее спокойствие и уверенность, с которым она совсем недавно противостояла Куппе? Оно улетучилось, как облачко, гонимое ветром.

Чья-то голова нежно прислонилась к ее плечу. Обернувшись, она увидела печальное лицо своей скорбящей подруги, которая едва успевала вытирать слезы.

— Да, Ева, если Богу угодно. Это легко сказать, но как трудно вынести это! Кто знает, где теперь наши мужья?

С материнской нежностью она обняла Еву, такую маленькую и хрупкую, что перед их отъездом все шутили: „Саксонский фарфор для Лабрадора!“

Тик-так... тик-так... Ку-ку! Ку-ку!

Вдруг брат Штальверт резко поднялся со своего места, отчего табуретка, на которой он сидел, с грохотом упала, выводя всех из оцепенения. Своей сильной рукой он затолкнул кукушку в ящичек, откуда она высунулась.

— Замолчи.

Началась своеобразная игра, которая на какое- то время отвлекла всех от печальных мыслей. Как только брат Штальверт убирал руку, дверца снова открывалась и маленькая птичка весело провозглашала: „Ку-ку».

Лицо брата Штальверта стало красным. Он протянул руку, чтобы остановить маятник.

Оставь Штальверт. Часы только выполняют свой долг. Ты не можешь ни возвратить время, ни остановить его. То, что ты делаешь, бессмысленно.

Брат Штальверт устало кивнул головой. Его рука опустилась. Медленно он возвращается к столу.

„Ку-ку! Ку-ку! “ — раздается позади него.

Но он уже не обращал на это никакого внимания. Подперев седую голову обеими руками, он застонал, как от сильнейшей боли.

— Бессмысленно. Да, то, что я делал, бессмысленно. Ты прав, брат Теобальд Фрек, тысячу раз прав! Бессмысленно, как и все то, что мы здесь делаем уже пять, десять, пятнадцать, двадцать, двадцать девять лет. Двадцать девять лет полной бессмысленности! — Его голос полон разочарования и горечи.

Тик-так, тик-так, тик-так...

Вдруг Тобиас Штальверт вскочил. Это было как извержение вулкана, который изливает свою раскаленную лаву на плодородные поля, уничтожая все вокруг.

—Я сокрушен бессмысленностью нашей работы. Ведь смыслом нашего служения может быть только плод, потому что Тот, Кто послал нас, сказал: „Я поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод! “ Но где плод нашего двадцати девятилетнего труда? Я спрашиваю вас, дорогие братья и сестры, где плод?

Он замолчал, как бы ожидая ответа.

Но все были слишком поражены столь неожиданным выражением горя человеческого сердца, чтобы быть в состоянии что-то ответить.

—О, эти ужасные эскимосы! Холодные и черствые, как и вся эта земля. У них камень вместо сердца. Они недоверчивы, как снежные зайцы, и коварны, как полярные лисы.

А те немногие, которые называются христианами, разве это плод? Мне хочется плакать. При крещении они обещали хранить верность, а сами давно уже неверны и снова

вернулись в язычество. Подвергните их испытанию, и они вам дерзко заявят, что лишь потому стали христианами, что надеялись получать продукты от миссионеров, чтобы как-то разнообразить свою однообразную пищу! Продукты, которых нам самим едва хватает! Когда невозможно выполнить это их желание, они возвращаются на прежний путь. Христиане! Они носят имя, будто живы, но они мертвы, совершенно мертвы!

Разве мы мало молились, мало плакали, мало страдали, мало жертвовали, стремясь к тому, чтобы труд наш увенчался плодом, плодом, который пребывает?!

И вот еще это. Два миссионера, три эскимоса! Понимаете ли вы, что это означает для нашей миссии? Зачем, Господи, зачем еще и это? Они будут насмехаться над нами и еще больше презирать Твое слово, эти холодные эскимосы!

Видите, то, что вы проповедуете, неправда! Ваш Бог не может спасать. Я представляю, как они будут издеваться над нами.

Тобиас умолк.

Его глаза полны были слез, которые медленно катились по бледным щекам и, словно сверкающие жемчужины, застывали на седой бороде.

Испытание, словно вооруженный человек, ворвалось в их жилище.

Все чувствовали, что оно нацелено в сердце каждого из них, и молчали.

Тик-так... тик-так...

Теобальд Фрек первым пришел в себя. В его сероголубых глазах появилась искра надежды. Он понял, что наступил решительный момент.

— Да, нужно не пять, не десять и не пятнадцать лет совершать служение в Лабрадоре, но двадцать девять лет, чтобы понять, какими громадными могут быть порой испытания.

Но он также знал, что здесь бесполезны всякие дока-

зательства. Испытания учат полагаться на Слово Божье. Лишь оно в состоянии даже в такое время прогнать этого вооруженного человека из комнаты и из сердца.

Он тяжело поднялся и потянулся к Библии и к маленькой коробочке с текстами из Писания.

— Братья и сестры, в эти часы переживаний за наших братьев, когда мы не знаем, что случилось с ними, когда испытание ворвалось к нам, не будем искать утешения в человеческих советах и человеческой мудрости, которую Бог обратил в безумие. Но по примеру наших отцов обратимся в усиленных молитвах к Богу. Что Он имеет сказать нам сейчас через Свое Слово? Прислушаемся к Его Слову, чтобы испытания стали для нас благословением!

Они помолились. Шкатулка со стихами переходила из рук в руки. Волнуясь, каждый брал оттуда карточку с текстом.

„Из глубины взываю к Тебе, Господи. Господи! услышь голос мой. Да будут уши Твои внимательны к голосу молений моих“ (Пс. 129,1-2).

— Читай, Тобиас, что Господь говорит тебе!

Дрожащим от волнения голосом старик прочитал.

— „А Я сказал: напрасно Я трудился, ни на что и вотще истощал силу Свою. Но Мое право у Господа, и награда Моя у Бога Моего. И Он сказал: мало того, что Ты будешь рабом Моим для восстановления колен Иаковлевых и для возвращения остатков Израиля; но Я сделаю Тебя светом народов, чтобы спасение Мое простерлось до концов земли“ (Исаия 49, 4. 6).

— Читай, сестра Мария, что Господь говорит тебе.

В словах молодой жены миссионера чувствовалось сдержанное ликование.

— „Иисус сказал им: дана Мне всякая власть на небе и на земле. И се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь “ (Матфея 28, 18. 20).

— Читай, Ионафан, что Господь говорит тебе!

— „И будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор, и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы. И пойдут многие народы, и скажут: придите, и взойдем на гору Господню, в дом Бога Иаковлева, и научит Он нас Своим путям; и будем ходить по стезям Его“ (Исаия 2, 2-3).

И он радостно добавил:

— Это воистину так!

— Читай, сестра Ева, что наш Господь говорит тебе.

— „Все возможно верующему» (Марка 9, 23).

На мгновение казалось, будто она сомневалась. Но потом же из глубины сердца этой нежной женщины, которую постигло тяжкое испытание, вырвалось:

— Верую, Господи! Помоги моему неверию!

Невидимый враг стал шаг за шагом отступать.

Его рука уже взялась за дверную ручку. Понимает ли он, что потерпел поражение?

Теобальд Фрек открыл Библию. Радостно, звонко, подобно пробуждающемуся звуку трубы, звучал его голос:

— „Когда же настал вечер, то ученики Его сошли к морю и, вошедши в лодку, отправились на ту сторону моря в Капернаум. Становилось темно, а Иисус не приходил к ним. Дул сильный ветер, и море волновалось. Проплывши около двадцати пяти или тридцати стадий, они увидели Иисуса, идущего по морю и приближающегося к лодке, и испугались. Но Он сказал им: это Я, не бойтесь. Они хотели принять Его в лодку; и тотчас лодка пристала к берегу, куда плыли». Аминь (Иоанна 6, 16-21).

Казалось, никогда они не понимали эту историю так, как в эти минуты.

Чуть слышное дуновение ветра пронеслось по комнате. Дверь вздрогнула на своих петлях. Враг покинул дом!

Победа!

Море клокотало и кипело. Когда оно в необузданной ярости снова и снова выбрасывало на берег многопудовые ледяные блоки с легкостью мячика, казалось, будто раздавались раскаты грома. Собаки начинали жалобно подвывать от страха, а пятеро спящих в снежной хижине вздрагивали во сне.

Миссионер Готлиб со стоном поворачивался с одного бока на другой. Лицо у него стало пепельносерым. Во сне он снова переживает весь ужас последних часов...

* * *

—Лед ломается! Мы погибли! Пусти собак, Моисей! Они скорее нас найдут безопасное место.

Моисей, эскимос, быстро оглянулся вокруг. В его глазах застыл ужас. Он коротко, как бы соглашаясь, кивнул большой головой. Его кнут со свистом опустился на спины животных, и хриплым голосом он кричал:

— Эх, Медведь, давай, давай! Ищи! Ищи! Волны близко! Нам нужна суша, спасительная суша!

Собаки делали все возможное. Они чувствовали, что смерть гонится за ними по пятам. Впереди, подняв кверху свой чуткий нос, бежал Медведь, большой и сильный вожак.

Ледяное покрытие все больше приходило в движение. Тут и там появлялись длинные трещины, сквозь которые выступала темно-зеленая морская вода.

Лица пятерых ездоков побледнели, как полотно. Никто больше не произносил ни слова. Лишь время от времени голос Моисея, словно издалека, достигал их ушей.

Рукавицы долой! Окоченевшими руками они хватались за края нарт, которые с бешенной скоростью мчались

вперед. Своими телами они пытались удержать равновесие.

Глаза напряженно всматривались вдаль, где упрямо поднималась из моря большая группа серых скал.

Прямо перед ними высоко выбросился фонтан воды. Собаки с воем пронеслись мимо. Нарты, как душем, окатило ледяной водой. Лишь на мгновение миссионер Готлиб оглянулся вокруг. Но этого мгновения достаточно, чтобы от ужаса кровь застыла в жилах.

Лед позади них был уже взломан. Ледяные глыбы, сталкиваясь, наползали друг на друга и с шумом ныряли в глубину.

Освободившись из ледяного плена, волны, словно волки, гнались за нартами.

Вдруг громадный ледяной блок, преграждая путь появлялся между собаками и нартами.

— Это конец! — прокричал кто-то.

Но, скрипя всеми своими соединениями, нарты перескочили это препятствие. Хорошо, что кости тюленей такие эластичные. Деревянные сани не выдержали бы этого испытания на прочность.

Вдруг они увидели перед собой зияющую пучину. Лишь в последний момент собаки сумели увернуться и избежать холодной, как эта морская вода, смерти.

Все вокруг окутывал туман, закрывая видимость. Группа скал сразу же исчезла из поля зрения. Но Медведь, опытный вожак, безошибочно держит направление. Теперь уже и перед ними лед раскалывался на большие ледяные глыбы и резко расходился по сторонам. Возникла трещина. Могучими прыжками животные бесстрашно рвались вперед, увлекая за собой тяжелые нарты.

„Молиться, — думает миссионер Готлиб. — Надо молиться! — Но ничего не может произнести, кроме: „Господи, помоги!“

Нарты уже до половины погрузились в воду.

Вдруг из тумана внезапно показались темные очерта-

ния. Группа скал. Еще несколько метров!..

Собаки карабкаются на крутой берег. Первые уже достигли спасительной суши.

Они тянут, тянут за собой тяжелые нарты и громко скулят от отчаяния. Но нарты не двигаются с места. Некоторые собаки, которые ближе всех к нартам, в смертельном страхе, визжа, прижимаются к гладким скалам.

Упряжка зависла между небом и землей. Все пять ездоков из последних сил вцепились в края нарт.

Проходили секунды, кажущиеся вечностью. Под ними яростно клокотали волны. Собаки выбивались из последних сил в попытке выдернуть нарты на сушу. Но как Моисей ни умолял и ни угрожал, им это не удавалось.

Нарты медленно соскальзывали назад, дюйм за дюймом приближаясь к темному месиву из льда, воды и пены.

Миссионер Готлиб, содрогаясь от ужаса, еще раз оглянулся назад. Он увидел, что на них с большой скоростью двигалась громадная льдина. Последний удар, который наносит им море, не желающее упустить свои жертвы. Эта льдина раздавит их на смерть между скалами.

— Господи, помоги нам, мы погибаем!

Крик отчаяния вырвался из обреченных на смерть людей.

Все остальное произошло стремительно. Удар. Треск. Сознание покинуло их. Они уже не видели, как льдина, словно подъемная платформа, продвинулась под нарты, подняла их и, наконец, выбросила на берег.

Когда они снова пришли в себя, они увидели, что находятся на суше, посреди ледяных обломков.

Спасены!

С радостным криком бросились они друг другу на шею. И над безумно разъяренной пучиной звучало:

— Аллилуия! Аллилуия! Хвала Господу!

Вдруг огромная, величиной в дом, волна накрыла берег и свалила их с ног. С трудом они поднялись, отфыркиваясь и сплевывая.

— Нам нужно подняться еще по крайней мере метров на двадцать выше, — предупредил Моисей.

Он привел в порядок упряжку собак и начал подниматься в более безопасное место. Остальные с готовностью последовали за ним. Они все еще никак не могли осознать, что им снова подарена жизнь. Так и стояли они в бездействии, наблюдая за тем, как Моисей кормит собак. И лишь когда он напомнил им, что необходимо построить снежную хижину, они пришли в себя.

Примерно через час все пятеро заползли в готовый иглу, закутались в шкуры, чтобы отдохнуть от ужасно напряженного дня.

А снаружи бушует ад!

Волны с бессмысленной злобой набрасываются на маленький островок, пытаясь своими холодными, мокрыми руками схватить маленькую хижину, приютившуюся, подобно птичьему гнезду, в расселине скалы.

Миссионер Готлиб успокоился. Его дыхание

стало ровным. Лоб все еще покрыт крупными каплями пота, но мускулы лица уже расслабились.

Кап... кап... кап...

Соленые капли попали ему прямо в лицо. Он повернулся на другой бок. Все спали, не слыша шума накатывающихся волн.

Капли снова предупредили: опасность! опасность! И они делали это до тех пор, пока миссионер Готлиб не проснулся.

С удивлением он оглянулся вокруг. Лампа почти догорала. Резкая зубная боль наконец полностью привела его в чувство.

Кап... кап... кап... Протекает иглу? Миссионер напряженно прислушался.

— Моисей!

Он трясет погонщика так, что тот с криком вскакивает.

— Капли, Моисей, капли!

Ш-ш-ш-ш. Кап... кап... кап...

Моисей мгновенно начал расталкивать других.

— Волны! — закричал он и начал проламывать в задней стенке иглу отверстие наружу.

Затем он выбрался из хижины и начал загружать шкуры и мех на нарты. Четверо остальных помогали ему.

— Скорее.

Ш-ш-ш-ш.

Они покинули хижину и спешно поднялись выше. Хорошо, что наступили предрассветные сумерки. Они могли, по крайней мере, видеть, куда ставить ногу. Собаки с нартами двигались впереди. Море бушевало в безмерной ярости.

Не успели они отойти от иглу и десяти метров, как гигантская волна, накатившись на скалу, снесла хижину. И только брызги пены полетели им в лицо.

В растерянности, полные ужаса, они смотрели на чисто вымытое место, где несколько мгновений назад стояла их хижина. По щекам обоих миссионеров бегут слезы.

— Недостойны мы всех милостей, которые Ты сотворил нам! — шептал Готлиб.

Потом он махнул рукой, и они снова пустились в путь, поднимаясь все выше и выше. Никто больше не говорил ни слова. Даже черствые эскимосы чувствовали глубокое волнение. Каждый был занят своими мыслями.

И это молчаливое шествие было своего рода молитвой.

* * *

Уже три дня ютились они в своей хижине высоко в расселине скалы. Шторм утих. Море успокоилось. Усеянная громадными льдинами, поверхность воды представляла из себя живописную картину.

С тоской смотрели все на отдаленное побережье материка.

— Нам нужно добраться туда.

— И потом через горы — обратно в Наин.

— Собаки за час добрались бы до берега.

—Если бы только наконец стукнул мороз.

Да, им очень нужен мороз. Запасов еды осталось совсем немного, ведь они не рассчитывали на такое длительное отсутствие. Главное теперь — правильно распределить продукты. Но и при самом экономном потреблении им едва ли хватит провизии более, чем на четыре дня. Но вот проходил уже пятый день, и хотя погода не менялась, мужчины не отчаивались. Бог, который дважды чудесным образом спас их от смерти, может сделать и третье чудо. Ибо то, что Он говорит, исполняется. В молитве они все свои нужды принесли Тому, Кто обещал заботиться о них.

Когда на следующее утро они выползли из хижины, они увидели, что погода изменилась. Дул ледяной ветер, вынуждая их скорее снова укрыться в снежном домике.

Через два дня лед был уже настолько прочен, что мог выдержать тяжесть нарт. И тогда они с радостью спустились к морю.

И снова слышно было хлопанье кнута Моисея. Снова нарты неслись вперед к цели. Через час они достигли побережья материка.

Начался трудный переход через горы.

* * *

—Они едут, Куппа, они едут! — кричал Колли. Он чуть ли не подпрыгивал от радости.

—Кто? — недовольно проворчал Куппа из глубины хижины.

— Кто? Миссионеры. Ты проиграл, Куппа. Они уже здесь!

И Колли умчался, как ветер.

Когда короткое время спустя Куппа вылез из хижины, он увидел, как со всех сторон люди спешили к миссионер-

ской станции.

— Это невозможно! Через девять дней никто не возвращается назад! Этого никогда не было! Кто знает, кто там вернулся! Посмотрим, — ворчал он, медленно двигаясь в том же направлении. Когда он наконец в числе последних подошел к толпе, он понял, что Колли говорил правду. Лицо его стало серым. Он проиграл.

Вокруг изнуренных путников, на лицах которых все еще отражался весь пережитый ими ужас, и полностью выдохшихся собак, которые уже вытянулись и улеглись спать, стояли удивленные, оживленно разговаривающие люди.

Расспросам не было конца. Но на все вопросы звучит лишь один ответ:

— После, друзья, после.

Молодые жены миссионеров не отходили от своих мужей.

Взгляд Марии скользил над головами собравшихся. Казалось, она кого-то ищет. Когда она заметила Куппу, на ее лице появилась радостная улыбка. Она приветливо кивнула ему.

Проталкиваясь сквозь толпу, вперед пробирается мужчина. Твердыми шагами он направляется к жене миссионера.

Куппа. Толпа замерла.

— Белолицая, ты победила! Я проиграл. Ваш Иисус показал, что Он сильнее всех духов, которым я до этого часа служил. Но Куппа сдержит свое слово. С сегодняшнего дня моя жизнь должна принадлежать тому Царю, кто сильнее всех.

Затем он повернулся и тяжелыми шагами направился к своей хижине.

Сердце Тобиаса Штальверта, казалось, хочет выпрыгнуть из груди. Он не знал, что делать от радости. Он должен что-то предпринять, иначе... Тут его взгляд упирается в церковную башню. Теперь он знал, что делать! Прихватив с собой двух эскимосских мальчиков, он быстрыми

шагами направился к церкви.

Колли с радостным лицом стоял в передних рядах. Ничто не ускользало от его зорких охотничьих глаз. Но как он испугался, когда Мария вдруг подошла к нему и спросила:

— А ты, Колли?

От смущения Колли не знает, что сказать. Что- то происходит в нем.

— Я... я... тоже буду христианином, — наконец воскликнул он.

И тут зазвонили колокола.

* * *

Рассказанное выше событие Бог употребил для того, чтобы пробить широкую брешь в твердой стене язычества на Лабрадоре.

Вскоре после этого для эскимосов действительно наступило время пробуждения.

Один из миссионеров так сообщает об этом:

„Дух Святой начал действовать с такой силой, что сердца людей были сокрушены. Гордые, надменные люди осуждали себя, признаваясь в грехах и желая получить прошение. Они прилагали все усилия, чтобы попасть на собрание. Придя, они не могли даже петь, а лишь плакали, плакали от великой радости о чудном спасении, которое стало и их уделом“.

Сегодня над всем Лабрадором веет победное знамя нашего небесного Царя Господа Иисуса Христа.

Стал ли Он уже и твоим Царем?

